

PARADISE LOST

JOHN MILTON

ДЖОН МИЛЬТОН

ПОТЕРЯННЫЙ РАЙ

ИЛЛЮСТРИРОВАННАЯ КНИГА НА ЯЗЫКЕ ОРИГИНАЛА С ПЕРЕВОДОМ

АНГЛИЙСКИЙ

РУССКИЙ

Lingua

ИЗДАТЕЛЬСТВО АСТ
МОСКВА

Portrait of John Milton
Artist – William Faithorne
1670

BOOK I

КНИГА I

This First Book proposes, first in brief, the whole subject, Man's disobedience, and the loss thereupon of Paradise, wherein he was placed: then touches the prime cause of his fall, the Serpent, or rather Satan in the Serpent; who revolting from God, and drawing to his side many legions of Angels, was by the command of God driven out of Heaven with all his crew into the great Deep. Which action passed over, the Poem hastes into the midst of things; presenting Satan with his Angels now fallen into Hell, described here, not in the Centre (for Heaven and Earth may be supposed as yet not made, certainly not yet accursed) but in a place of utter darkness, fitliest called Chaos: here Satan with his Angels lying on the burning lake, thunderstruck and astonished, after a certain space recovers, as from confusion; calls up him who, next in order and dignity, lay by him; they confer of their miserable fall. Satan awakens all his legions, who lay till then in the same manner confounded; they rise: their numbers, array of battle, their chief leaders named, according to the idols known afterwards in Canaan and the countries adjoining. To these Satan directs his speech; comforts them with hope yet of regaining Heaven; but tells them lastly of a new world and new kind of creature to be created, according to an ancient prophecy or report in Heaven; for that Angels were long

Эта первая книга излагает вкратце главный предмет — непослушание человека и потерю вследствие этого Рая, в котором он жил; затем она касается первой причины его падения — змеи или, точнее, Сатаны в образе змеи. Сатана, восстав против Бога и привлеки на свою сторону многие легионы Ангелов, был по повелению Божию низвержен, со всею своей ордой, с Небес в глубокую бездну. Не вдаваясь в описание этого события, поэма быстро переходит к главному действию, изображая Сатану и его Ангелов в Аду, который описывается здесь лежащим не в центре Земли (так как предполагается, что небо и Земля еще не созданы и, конечно, еще не прокляты), а в месте величайшей тьмы, которое лучше всего назвать Хаосом. Здесь Сатана с его Ангелами лежат в пылающем озере, пораженные и оглушенные громом. Через некоторое время он оправляется от своего смущения и обращается к лежащему около него Ангелу, который по чину и достоинству ближе к нему, чем все прочие; они беседуют о своем жалком падении. Сатана пробуждает все свои легионы, которые все еще лежат в беспамятстве. Они встают. Описывается их численность, боевое вооружение; поименовываются их главные вожди, соответствующие идолам, которые впоследствии

before this visible creation was the opinion of many ancient Fathers. To find out the truth of this prophecy, and what to determine thereon, he refers to a full council. What his associates thence attempt. Pandemonium, the palace of Satan, rises, suddenly built out of the Deep: the infernal Peers there sit in council.

почитались в Ханаане и соседних странах. Сатана обращается к ним с речью, утешает их надеждой на завладение Небесами снова и в заключение говорит о новом мире и предполагаемом новом роде созданий, согласно древнему пророчеству и рассказам, бытующим на Небесах (дело в том, что, по мнению многих древних Отцов Церкви, Ангелы существовали задолго до появления видимых созданий). Для исследования истинности этого пророчества и для принятия решения, что следует делать ввиду этого, Сатана предлагает собрать великий совет. Его сообщники принимают предложение. Возникает из бездны Пандемониум, дворец Сатаны, внезапно построенный его слугами, и адские вельможи держат в нем свой совет.

Of Man's first disobedience, and the fruit
Of that forbidden Tree, whose mortal taste
Brought death into the world, and all our

woe,

With loss of Eden, till one greater Man
Restore us, and regain the blissful seat,
Sing Heavenly Muse, that on the secret top
Of Oreb, or of Sinai, didst inspire
That shepherd, who first taught the chosen

seed,

In the beginning how the Heavens and Earth
Rose out of Chaos: Or if Zion hill
Delight thee more, and Siloa's brook that

flowed

Fast by the oracle of God, I thence
Invoke thy aid to my adventurous song,
That with no middle flight intends to soar
Above the Aonian mount, while it pursues
Things unattempted yet in prose or rhyme.
And chiefly thou, O Spirit, that dost prefer
Before all temples the upright heart and pure,

О первом непокорстве человека,
О запрещенном древе, о плоде,
Которого смертельное вкушенье
Смерть в мир внесло и с ней все наше горе,
С утратою Эдема, до поры,
Когда он Величайшим Человеком
Нам будет возвращен, когда мы будем
Вновь обладать обителью блаженства, —
Об этом всем поведай песню, Муза
Небесная, которую когда-то
Был вдохновлен с таинственных высот
Хорива иль Синая древний пастырь,
Избраннику-народу рассказавший
О первых днях, как Небо и Земля
Возникли из Хаоса! Иль, быть может,
Живешь ты на Сионской высоте,
Иль обитаешь там, где Силоамский
Ручей течет у Трона Божества;
Где б ни витала ты, я призываю
Тебя помочь моей отважной песне,
Полет которой гордо воспарит

Him the Almighty Power
Hurl'd headlong flaming from the ethereal sky
Gustave Doré

Instruct me, for thou know'st; thou from the
 first
 Wast present, and with mighty wings
 outspread,

Dove-like sat'st brooding on the vast Abyss,
 And mad'st it pregnant: what in me is dark
 Illumine, what is low raise and support;
 That to the highth of this great argument
 I may assert the Eternal Providence,
 And justify the ways of God to men.

Say first (for Heaven hides nothing from thy
 view,
 Nor the deep tract of Hell) say first what
 cause

Moved our grand parents in that happy state,
 Favoured of Heaven so highly, to fall off
 From their Creator, and transgress his will
 For one restraint, lords of the world besides.
 Who first seduced them to that foul revolt?
 The infernal Serpent; he it was, whose guile,
 Stirred up with envy and revenge, deceived
 The Mother of Mankind, what time his pride
 Had cast him out from Heaven, with all his
 host

Of rebel Angels, by whose aid, aspiring
 To set himself in glory above his peers,
 He trusted to have equalled the Most High,
 If he opposed; and with ambitious aim
 Against the throne and monarchy of God
 Raised impious war in Heaven and battle
 proud,
 With vain attempt. Him the Almighty Power
 Hurl'd headlong flaming from the ethereal
 sky,

With hideous ruin and combustion, down
 To bottomless perdition; there to dwell
 In adamant chains and penal fire,
 Who durst defy the Omnipotent to arms.

Превыше гор Аонии, касаясь
 Предметов, не достигнутых поднесь
 Ни прозою, ни звучными стихами.

И Ты первой всего, Ты, Вышний Дух,
 Который сердце чистое всем храмам
 Предпочитаешь, — Ты меня наставь!
 Ты знаешь все; в начале всех начал
 Ты был; подобно матери-голубке,
 Над выводком любовно распростершей
 Лелеющие крылья, реял Ты,
 Творя миры, над бездной бесконечной!
 О, просвети все, что во мне темно;
 Что низко, то возвысь, чтоб я, достигнув
 Вершины долгой повести моей,
 Мог подтвердить всю Промысла
 премудрость,

Пути Его раскрыть перед людьми.
 Поведай — ибо ни в эфире Неба,
 Ни в бесконечной Ада глубине
 Ничто от взора Твоего не скрыто, —
 Поведай о причине, побудившей
 Великих прародителей, блаженством
 Столь взысканных, любимых Небесами,
 Поставленных владыками в сем мире, —
 Внезапно от Создателя отпасть
 И преступить запрет — запрет единый!
 Кто их вовлек в постыдный тот мятеж?
 То Адский Змий был; то его обман
 Мать рода человеческого лестью
 Пленил, когда за гордость он свою
 Со всей толпою Ангелов мятежных
 Низвергнут был с Небес. На помощь их
 Надеясь твердо, он мечтал, став выше
 Князей своих, сравниться со Всевышним,

Nine times the space that measures day and
night

To mortal men, he with his horrid crew
Lay vanquished, rolling in the fiery gulf,
Confounded though immortal. But his doom
Reserved him to more wrath; for now the
thought

Both of lost happiness and lasting pain
Torments him; round he throws his baleful
eyes,

That witnessed huge affliction and dismay,
Mixed with obdurate pride and steadfast
hate.

At once, as far as angels ken, he views
The dismal situation waste and wild:
A dungeon horrible, on all sides round,
As one great furnace flamed; yet from those
flames

No light, but rather darkness visible
Served only to discover sights of woe,
Regions of sorrow, doleful shades, where
peace

And rest can never dwell, hope never comes
That comes to all; but torture without end
Still urges, and a fiery deluge, fed
With ever-burning sulphur unconsumed.
Such place Eternal Justice had prepared
For those rebellious, here their prison
ordained

In utter darkness, and their portion set,

Противостав Ему; честолюбиво
Поставив целью Трон и Царство Бога,
Повел он нечестивую войну
На Небесах и в бой вступил надменно.
Но тщетно он пытался! Всемогущий
Низверг его во пламени стремглав,
Разбитого, сожженного ужасно,
С высот Небес в бездонную погибель,
Чтоб там лежал в алмазных он цепях,
Терзался бы в огне неугасимом
За то, что вызвал Вышнего на бой.

И девять раз уже сменилось время,
Которым смертный мерит день и ночь,
Как он со всею ратью побежденной
Лежал, вращаясь в пламенной пучине,
Сражен и уничтожен, хоть бессмертен.
Но худший суд еще был впереди:
И мыслью об утраченном блаженстве
Терзался он, и болью страшных мук.
Вокруг себя водил он взор свой мрачный,
В котором отражалось униженье
Глубокое, но вместе с тем и гордость
Упрямая, и ненависть была;
И сколько взор охватывал бессмертный,
Он видел вкруг лишь дикую пустыню,
Со всех сторон лишь страшную тюрьму,
Пылавшую огнем, громадной печи
Подобно; но огонь тот был без света, —
Он порождал лишь видимую тьму,
В которой лишь возможно было видеть
Картины горя, области печали
И скорбной ночи — край, где никогда
Ни мира, ни покоя, ни надежды,
Повсюду проникающей, не будет,
Где лишь царит мученье без конца
И огненный поток, который серой,
Горящей вечно и неистощимой,
Питается. Таков был тот приют,
Который был мятежным уготован
Предвечной справедливостью, — темница
Отведена в удел им в крайнем мраке,

Forthwith upright he rears from off the pool
His mighty stature
Gustave Doré

As far removed from God and light of
 Heaven
 As from the centre thrice to the utmost pole.
 O how unlike the place from whence they fell!
 There the companions of his fall, o'erwhelmed
 With floods and whirlwinds of tempestuous
 fire,
 He soon discerns; and weltering by his side,
 One next himself in power, and next in crime,
 Long after known in Palestine, and named
 Beelzebub. To whom the Arch-Enemy,
 And thence in Heaven called Satan, with
 bold words
 Breaking the horrid silence thus began:

“If thou beest he—But Oh how fallen! how
 changed
 From him, who in the happy realms of light,
 Clothed with transcendent brightness, didst
 outshine
 Myriads, though bright! if he whom mutual
 league,
 United thoughts and counsels, equal hope
 And hazard in the glorious enterprise,
 Joined with me once, now misery hath joined
 In equal ruin: into what pit thou seest
 From what highth fallen, so much the
 stronger proved
 He with his thunder: and till then who knew
 The force of those dire arms? Yet not for
 those,
 Nor what the potent victor in his rage
 Can else inflict, do I repent, or change,
 Though changed in outward lustre, that fixed
 mind,
 And high disdain from sense of injured
 merit,
 That with the Mightiest raised me to contend,
 And to the fierce contention brought along
 Innumerable force of Spirits armed,
 That durst dislike his reign, and, me preferring,

Который от небесного сиянья
 И Бога трижды столько удален,
 Как полюс отстоит от центра мира!
 О, как несходно это место с тем,
 Отколь они низвергнуты! И вскоре
 В волнах огня крутящихся он видит
 Вокруг себя собратий по паденью
 И узнаёт, что, корчась, рядом с ним
 Лежит один, к нему из всех ближайший
 По чину и по преступленью, — тот,
 Который был известен в Палестине
 Впоследствии и звался Вельзевулом.
 К нему-то обратился Архивраг,
 (На небе имя Сатаны стяжавший),
 Прервав молчанье страшное вокруг,
 С такою речью, дерзкой и надменной:
 «Ужели это ты? О, как ты пал!
 Как страшно изменился ты, который
 Сияньем ослепительным своим
 Превосходил в блаженном царстве света
 Других, сиявших ярко, мириады!
 Ты ль это, кто соединен со мной
 Союзом, мыслью, планами, надеждой,
 Отвагой в нашем славном предприятии,
 А ныне — униженьем и бедой!
 Теперь ты видишь сам, в какую пропасть
 С высот Небес низвергнул нас
 Сильнейший
 Своим ужасным громом; но дотоле
 Кто ж знал всю силу этого оружия
 Жестокого? Однако ж ни оттого,
 Что пали мы, ни оттого, что далее
 Еще способен причинить нам в гнев
 Могучий победитель наш, нисколько
 Я не раскаюсь и не изменюсь,
 Хотя б мой внешний образ изменился.
 Я сохраню навек всю твердость мысли
 И гордое презренье в оскорбленном
 Достоинстве моем; я буду тверд
 Во всем, что мне служило побужденье,
 Чтоб против Всемогущего восстать,
 Что привело бесчисленные рати

His utmost power with adverse power
 opposed
 In dubious battle on the plains of Heaven,
 And shook his throne. What though the field
 be lost?
 All is not lost; the unconquerable will,
 And study of revenge, immortal hate,
 And courage never to submit or yield:
 And what is else not to be overcome?
 That glory never shall his wrath or might
 Extort from me. To bow and sue for grace
 With suppliant knee, and deify his power
 Who, from the terror of this arm, so late
 Doubted his empire—that were low indeed;
 That were an ignominy and shame beneath
 This downfall; since by fate the strength of
 gods
 And this empyreal substance cannot fail;
 Since, through experience of this great event,
 In arms not worse, in foresight much
 advanced,
 We may with more successful hope resolve
 To wage by force or guile eternal war,
 Irreconcilable to our grand foe,
 Who now triumphs, and in the excess of joy
 Sole reigning holds the tyranny of Heaven.”

So spake the apostate Angel, though in pain,
 Vaunting aloud, but racked with deep
 despair;

Вооруженных Духов к состязанью
 Отважному. Дерзнули эти Духи
 Власть Вышнего открыто не одобрить
 И, предпочтя иметь вождем меня,
 Противостав великой силе силой,
 В сомнительном бою в равнинах Неба
 Поколебали Трон Его. Пускай
 Мы потеряли эту битву — что же?
 Не все еще потеряно: есть воля
 Несокрушимая, есть жажда мести,
 И ненависть бессмертная, и храбрость,
 Которая вовек не подчинится
 И не уступит никому, — и мало ль,
 Что есть неодолимого у нас?
 И эту нашу славу не исторгнет
 Ни ярость, ни могущество Его.
 Склонить главу, молить о милосердии,
 Став на колена, и боготворить
 Владычество Его — Того, Который
 Недавно сам в той власти усомнился
 Из страха перед нами, — это было б
 Действительно позорно; это было б
 Бесславьем и стыдом гораздо худшим
 Всего паденья нашего. Судьба
 Велела, чтоб богов святая сила
 И сущность их небесная была
 Неистребима; ныне мы имеем
 И опыт, нам доставленный событьем
 Великим тем; оружием не слабее,
 Лишь осторожней стали мы теперь;
 Тем с большею надеждою мы можем
 Отважиться на вечную войну,
 Решить ее иль силой, иль коварством,
 Не примирясь с врагом великим нашим,
 Хотя и торжествует ныне Он
 И, предаваясь радости великой,
 Царит один над небом, как тиран».

Так говорил отступник-Ангел, громко
 Хвалясь среди мук, хотя его внутри
 Глубокое отчаянье терзало.
 Ему собрат отважный отвечал:

And him thus answered soon his bold

compeer:

“O Prince, O Chief of many throned powers,
That led the embattled Seraphim to war
Under thy conduct, and in dreadful deeds
Fearless, endangered Heaven’s perpetual

King,

And put to proof his high supremacy,
Whether upheld by strength, or chance, or

fate!

Too well I see and rue the dire event
That with sad overthrow and foul defeat
Hath lost us Heaven, and all this mighty host
In horrible destruction laid thus low,
As far as gods and Heavenly essences
Can perish: for the mind and spirit remains
Invincible, and vigour soon returns,
Though all our glory extinct, and happy state
Here swallowed up in endless misery.
But what if he our conqueror, (whom I now
Of force believe almighty, since no less
Than such could have o’erpowered such force

as ours)

Have left us this our spirit and strength

entire,

Strongly to suffer and support our pains,
That we may so suffice his vengeful ire;
Or do him mightier service, as his thralls
By right of war, what’er his business be,
Here in the heart of Hell to work in fire,
Or do his errands in the gloomy deep?
What can it then avail, though yet we feel
Strength undiminished, or eternal being
To undergo eternal punishment?”

Whereto with speedy words the Arch-Fiend
replied:
“Fallen Cherub, to be weak is miserable,

«О Князь, о вождь князей могучих многих,
Которые, ведомые тобой,
Вели на битву войско Серафимов
Вооруженных! Грозными делами,
Бесстрашные, поставили они
В опасность царство Вечного Владыки;
Не побоялись испытать, на чем
Основано его все превосходство —
На силе, или счастье, иль судьбе.
Я слишком вижу, слишком сожалею,
Как горестен исход попытки нашей,
Какое понесли мы поражение,
Какой удар позорный нас лишил
Небес и наши доблестные рати
В ужасном разрушении низложил!
Погибли мы, насколько могут боги
И существа небесные погибнуть;
Останутся, конечно, ум и дух
Непобедимы, сила вновь вернется,
Хотя потухла слава и блаженство
Поглощено безмерною бедой;
Но я боюсь, чтоб Он, наш победитель
(Его готов всесильным я считать
Затем, что лишь всесильный был способен
Такие силы одолеть, как наши), —
Чтоб не оставил Он нам дух и силу
Лишь для того, чтоб мы сильнее страдали
И муки наши тяжкие несли
В угоду гневной мести; чтоб, по праву
Войны, Ему рабами были мы,
Служили б больше прежнего, свершая
Его веленья в самом сердце Ада,
Его желанья — в этой бездне тьмы!
Тогда что пользы, если наша сила
Не меньше стала, наше бытие
Все так же вечно — лишь для вечной муки?»

Ему ответил быстро Архивраг:
«О падший Херувим! Кто слаб, тот жалок,
Страдает он иль действует; но знай —

Doing or suffering: but of this be sure,
To do aught good never will be our task,
But ever to do ill our sole delight,
As being the contrary to his high will
Whom we resist. If then his providence
Out of our evil seek to bring forth good,
Our labour must be to pervert that end,
And out of good still to find means of evil;
Which oft times may succeed, so as perhaps
Shall grieve him, if I fail not, and disturb
His inmost counsels from their destined aim.
But see! the angry victor hath recalled
His ministers of vengeance and pursuit
Back to the gates of Heaven: the sulphurous

hail,

Shot after us in storm, o'erblown hath laid
The fiery surge that from the precipice
Of Heaven received us falling; and the

thunder,

Winged with red lightning and impetuous

rage,

Perhaps hath spent his shafts, and ceases now
To bellow through the vast and boundless

deep.

Let us not slip the occasion, whether scorn
Or satiate fury yield it from our foe.
Seest thou yon dreary plain, forlorn and wild,
The seat of desolation, void of light,
Save what the glimmering of these livid

flames

Casts pale and dreadful? Thither let us tend
From off the tossing of these fiery waves;
There rest, if any rest can harbour there;
And, re-assembling our afflicted powers,
Consult how we may henceforth most offend
Our enemy, our own loss how repair,
How overcome this dire calamity,
What reinforcement we may gain from hope,
If not what resolution from despair.”

Теперь для нас одно лишь несомненно:
Добра творить не будем мы вовек;
Творить лишь Зло — все наше утешенье,
Затем что этим мы противостояем
Высокой воле нашего врага.
Как только пожелает Провиденье
Из Зла, от нас идущего, создать
Добро, мы силы все свои приложим,
Чтоб эту цель благую извратить
И в самом благе отыскать возможность
Дурного. Если это будет часто
Нам удаваться, может быть, Его
Мы огорчим; быть может, помешаем
Свершению взлелеянных Им планов.
Но посмотри: наш грозный Победитель
Послушных слуг возмездья и погони
Уж отозвал назад к вратам Небес;
Град серный, вслед нам сыпавшийся бурно,
Уж перестал, и пламенные волны
Пучины, нас приявшей при паденьи
С Небес, уж улеглись, и страшный гром,
Крылами красных молний нас разивший,
Быть может, стрелы все свои истратил
И бушевать уже перестает
Среди громадной бесконечной бездны.
Воспользуемся случаем, который
Дает нам враг — быть может, из
презренья.

А может быть, уж свой насытив гнев.
Ты видишь эту страшную равнину,
Пустынную и дикую, жилище
Отчаянья, в которой света нет,
Коль не считать сверканья синеватых
Огней, дающих бледный, грозный отблеск?
Пойдем туда, уйдем от колебания
Волн пламенных — там отдохнем немного,
Насколько здесь нам отдых и покой
Возможен; там, собрав все наши силы,
Обдумаем, что сделать можем мы,
Чтоб отомстить врагу как можно больше;
Как наши все потери возместить
Иль перенести жестокое несчастье,

They heard, and were abashed, and up they sprung
Gustave Doré